

ЧЕРНИГОВСКАЯ
СТАРИНА

ПО ПРЕДАНИЯМЪ И ЛЕГЕНДАМЪ

(Очеркъ П. І. Иловайского).

ЧЕРНИГОВЪ
Типографія Губернскаго Правленія.
1898.

]

Съ разрѣшенія Г. Черниговскаго Губернатора дѣйствительнаго статскаго совѣтника
Е. К. Андреевскаго извлечено изъ №№ 1412, 1413, 1414 и 1415 „Черниг. Губ. Вед.“.
Г. Черниговъ, 1898 года марта 20-го.

Перевидання книги здійснено Чернігівською обласною універсальною науковою бібліотекою ім. В. Г. Короленка в 2000 році. Текст викладено сучасною російською мовою із збереженням стилістичних особливостей письма автора.

Тираж 100 примірників

Деда давно минувших лет,
Преданья старины глубокой.

Пушкин.

Общий обзор преданий, приуроченных к Чернигову. Былинный эпос.

Далеко не всякий город может похвалиться таким обилием преданий и легенд, приуроченных к нему, как *Чернигов*.

Предания эти достойны внимания не потому только, что они или вошли в историю, как факты действительные, или представляют любопытные для исследования предметы отечественной древности, но достойны внимания еще и потому, что в этих памятниках первоначальной деятельности русского ума обнаруживается вся сила его, умственный кругозор и древняя жизнь нашего отечества.

Как бы ни были ничтожны или отрывочны предания, они все же драгоценны для любителя старины.

Одна и та же цепь состоит из мелких и крупных звеньев; откиньте мелкие - цепь рассыплется, нарушится ее единство. Такое же значение имеют эти предания в общей массе материала, составившего историю родного края.

Многие из *Черниговских* преданий сделались достоянием летописей, а затем истории, но многие остались не записанными. Так: *Маркович*, исследователь *Черниговской* старины, живший в середине текущего столетия, упоминает, что ему рассказывали очевидцы о легендах, написанных масляными красками на стенах Спасо-Преображенского собора, но уже в его время они не существовали и были забыты. В народе же почти не сохранилось преданий, а если где и случится их услышать, то предания эти так отрывочны и спутаны, что имеют очень мало значения.

Не так давно, – в середине настоящего столетия, еще встречались в устной народной передаче рассказы о набегах татар, о притеснениях ляхов, о казацких лихих подвигах, пелись старинные песни, являвшиеся живым откликом давно прошедших времен. Теперь же все это минуло. Рассказы и думы забыты, а песни, в которых пелось о старине украинской, заменились новейшими, не только ничего общего с историческим прошлым не имеющими, но и утратившими свой национальный характер.

Хотя многое осталось незаписанным и бесследно исчезло, тем не менее, сохранилось и до нашего времени много к *Чернигову* приуроченных исторических преданий и легенд, которые разбросаны по летописям, в позднейших исторических сочинениях и в разных сборниках.

Предания и легенды эти, не говоря уже о глубоком интересе к ним жителей *Черниговской* губернии, представляют любопытный материал для всякого любителя старины, для всякого более или менее интересующегося памятниками прошлой жизни нашего отечества.

Известно, что исторический период народной поэзии возникает из предшествующего героического.

В эпосе героическом не раз фигурирует *Чернигов*. Оно так и должно быть: на юге Руси сосредоточивалась история Руси домонгольской, а *Чернигов*, по историческому значению своему, был вторым городом после Киева.

Так называемые великорусские былины в большей их части имели основу южнорусскую и сложились на южной Руси, а получили дальнейшее развитие и видоизменились у великороссов. В то время, как последние сохранили эти былины, у малороссов они были забыты и заменились думами – историческим эпосом времен казачества, более близкими к действительности и, по своему описанию более тяжелых и грустных времен, сильнее запечатлевшимся в умах украинцев.

В былевом эпосе, об Илье Муромце рассказывается так: в г. Муроме. Илья, сын крестьянина, просит у отца и матери отпустить его в славный город Киев Богу помолиться, а князю Киевскому поклониться (до 30 лет Илья не мог ходить, сиднем сидел, а потом был исцелен калеками перехожими); родители благословляют: "поезжай ты прямо на Киев-град, прямо на *Чернигов*-

град¹, и на пути своем не делай обиды, не проливай напрасно крови христианской" (Сказка о славном и храбром богатыре Илье-Муромце и Соловье-разбойнике).

О пребывании Ильи под Черниговом былина повествует:

Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А в черным черно как черпа ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коня никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов град.
Выходили мужички да тут Черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов град,
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит- то им Илья да таковы слова:
"Ай же, мужички да вы Черниговски!
Я не иду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев град".
Говорили мужички ему Черниговски:
– Ты удаленький дородный добрый молодец,
– Ай ты славныя богатырь святорусский !
– Прямоезжая дорожка заколодела,
– Заколодела дорожка, замуровела,
– А и по той ли по дорожке прямоезжою
– Да и пехотою никто не прохаживал,
– На доброй кони некто да не проезживал;
– Как у той ля-то у грязи-то у черной,
– Да у той ли у березы у покланья,
– Да у той ли речки у Смородины,
– У того креста у Левапидова,
– Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
– Сидит Соловей-разбойник, Одихмантьев сын.

Илья отправляется в дорогу, подъезжает к дубу разбойника; выбивает стрелю Соловьёю глаз и пристегивает свалившегося с дерева разбойника "ко правому ко стремечку булатному".

В этой былине видно освобождение *Чернигова* от азиатских орд, а дороги к Киеву от разбойников, указание на тяжелое время набегов и разграбления, которым в те далекие времена подвергался *Чернигов* с его окрестностями, от диких и жестоких азиатских племен.

Илья Муромец, прозываемый в Малороссии Чоботком, "слуга единой русской земли", представляет собой олицетворение грубой, физической силы народа.

Как будет видно далее, сила эта со временем уступает место силе духовной, которая мало-помалу простирается во все концы Русской земли.

Чернигов упоминается и в других былинах. Так: Димитрий, богатый торговый гость (купец), поселяется в *Чернигове*, где остается тем же могущественным торговым гостем и величается *вольным царем Черниговцем*. Там же проживает боярин Ставр Годинович, хвастающий перед Владимиром хитрой находчивостью своей молодой жены и получивший от Владимира право на безданный и безпошлинный торг в Киеве. Родиною Ивана Гостинного сына можно считать также *Чернигов*. По крайней мере, намеком на это служат те поруки крепкие, какие дает за него Владыка *Черниговский* перед состязанием его с Владимиром князем в конской гоньбе.

В этих былинах, принадлежащих к особому эпосу про гостинных людей, центром

¹ Чернигов, в смысле удельной системы, представляется, как здесь, так и в других былинах, самостоятельным княжеством, независимым от Киева

является *Чернигов* — указание на обширность торговли, которую когда-то вел этот город.

По сказанию летописи, еще в отдаленной древности, купцы *Чернигова* и *Любеча* по р.р. Десне и Днепру сбывали мед, воск, звериные кожи и пр. в греческие колонии Черноморского побережья и в Константинополь. Во время владычества польского, отсюда нередко отпускали в Литву хлеб, вино и табак. (См. записки южн. Руси, т.2). Наконец, с присоединением Малороссии к России, *Черниговская* губерния начала отправлять туда в значительном количестве мед, воск, пеньку, сало, щетину, конопляное масло, рогатый скот и лошадей. С развитием же самостоятельного сельского хозяйства в Новороссийском крае, видно, что *Черниговская* губерния, в числе других малороссийских губерний, стала заметно беднеть и, не успев развить фабрик и заводов, осталась лишь при одном главном источнике народного благосостояния — земледелии.

Предания, относящиеся ко времени удельного Черниговского княжества.

К столь же глубокой старине, как и былины, относятся предания о временах удельного *Черниговского* княжества.

Повествуют они, между прочим, о клятве Давыдовичей и Ольговичей жить в мире и действовать за одно с Изяславом. Клятва эта, произнесенная ими торжественно, с лобызанием креста в *Черниговском* соборе Спаса, в присутствии *Феодосия* Печорского и при *Федоре* епископе Белгородском, тотчас же была нарушена.

Здесь усматривается характеристика потомков владетельного князя *Святослава Ярославовича*. Не без основания же летописи представляют их, как людей беспокойных нравом, затевавших споры и ссоры с соседними владетелями, легко относившихся и к праву собственности, и к жизни человеческой, и к клятвам, которые они давали.

Неизвестный автор "*Слова о полку Игореве*" (*Игорь Святославович*, внук *Олега*, княжил одно время в *Чернигове*, герой неудачного похода на половцев в 1185 г.) говорит, что усобица князей отвела их от брани на поганых, что брат брату сказал: "это мое, и то мое же", что начали князья про малое говорить: "это великое" и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую. "В княжеских крамолах веки человекам сократились. Тогда на Русской земле редко оратаи шумели, но часто враны каркали, деля себе трупы, а галки свою речь говорили, собираясь на кормы свои".

Не даром автор называет *Святославичей* — *Гориславичами*, считает неудачу и пленение *Игоря* плодом исключительно княжеских междуусобиц и говоря, что "застонал Киев в печали, *Чернигов* в напасти и разлилась тоска по земле Русской после пленения *Игоря*", видит в *Игоре* исключение из числа прочих князей, последнюю погибшую надежду народа на лучшее.

Несравненно в более светлых красках, чем князей-крамольников, предание рисует образ *Владимира Мономаха* (1123–1125 годах княжил в *Чернигове*).

Оно рассказывает, между прочим, о роскошном пире, данном *Мономахом* в *Чернигове*, на Красном дворе, "почетному колоднику *Олегу Святославовичу* — черта великодушия и благородства. (*Олег Святославович* господствовал в области *Владимирской*; он должен был, по воле детей своих, выехать оттуда и жить праздно в *Чернигове*" (*Карамзин*).

Место красного двора не дознано, но вполне основательно предполагать его в центре древнего города.

Владимир Мономах в своем "поучении" детям часто упоминает *Чернигов*, особенно говоря о своих охотах в лесах под этим городом. За *Черниговом* он угонывал по сто зверей, в *Чернигове* коней диких живых вязал сам путами по 10 и по 20-ти; при этом жизнь его подвергалась многим опасностям и только счастливый случай оберегал его от смерти. Следует заметить, что охота не была праздною забавою, не пустой тратою времени, а спасательным подвигом—она поражала не мирных, безвредных животных, а свирепых, или доставляла пользу человеку. (Охота "в пущах", около *Чернигова*, на тура, вепря и лютого зверя (волка) вспоминается также в былинах об *Иване Годиновиче*).

Можно себе представить, по данным "поучения", какое множество зверей обитало в те далекие времена в лесах и полях под *Черниговом* и каковы были эти леса!

Из исторических источников, к тем временам относящимся, видно, что по оврагам, горам и берегам рек некогда тянулись бесконечные леса. Высоко поднимались к небу старые, ветвистые сосны и вековые дубы. Непроглядной стеною темнелись раскидистые ясени, вязы, грабы, клены, стройные березы и благоухающие липы. Густо разрастались непролазный терновник, боярышник, тальник, камыш и разные мелкие ягодные растения.

Необъятные степи были сплошь покрыты густою и столь высокою травою, что в ней не было видно всадника на лошади. Ярким ковром пестрели тысячи цветов; серебрилась ковыль; словно море, волновались и шумели в непогоду зеленые заросли. А в этих степных и лесных зарослях кишела различная дичь: зубры, олени, буйволы, медведи, сайгаки, рыси, дикие кони, кабаны, волки, лисицы, зайцы, дрофы, стрепета и глухари.

Реки и озера были полны разной рыбою, которая часто, как гласит предание, задыхалась от тесноты. Большими стаями плавали в водах лебеди, гуси, утки, бабы-птицы.

От обилия лесов и дичи воспроизводили слово "*Чернигов*". Так: некоторые утверждали, что город получил название по черным лесам, черному гаю, бывшему в том месте, подобно тому, как многие селения в Малороссии, напр.: Чернолеска, Черногорка, Черниговка в Херсонской губ., Чернобыль и др. получили также свое название от чернолесия; другие воспроизводили название города от "*Сернигов*", по обилию серн² *Чернигов*, как тесно связанный с Киевом, колыбелью христианской веры на Руси, и близко от него стоящий, является одним из первых рассадников христианства на Русской земле, ревностным последователем стольного города. Отсюда многие предания, к тому далекому времени относящиеся, носят характер религиозно-поучительный, строго нравственный.

Вот пересказы их.

1 августа 1123 г. Черниговский князь Давид Святославович лежал на смертном одре. Митрополит Феоктист, заметив близость его кончины, велел петь канон кресту Господню. В то время влетел белый голуб и сел на грудь умирающего. Князь скончался, голубь улетел, наполнив храмину благоуханием. Тело князя внесли в Спасский храм, но увидев, что над крестом храма появилась звезда, которая отошла и остановилась над крестом Бориса и Глеба, понесли туда тело князя. Так как гроб не был еще готов, а солнце уже заходило, то Епископ хотел отложить погребение до утра. Но ему сообщили, что солнце не скрывается, а стоит на одном месте. Едва только принесли гроб, как солнце скрылось за горизонтом.

В этом предании, долго сохранявшемся в народе, посредством устной передачи, как нельзя более сказались симпатия и уважение народа к князю Давиду, отличавшемуся благочестием, редкой добротой и кротким нравом.

Усыпальницей *Черниговских* князей в те времена служил Спасо-Преображенский собор: в нем были похоронены и Мстислав Удалой – основатель храма, и Святослав Ярославович – родоначальник князей *Черниговских*, и сын его Борис, убитый в войне со своими дядями под *Неясинам*, и Глеб Святославович. Давид же Святославович погребен в храме, им самим построенном. Лишившись в 1120 г. сына Ростислава, князь, из любви к сыну и благовению к святым князьям Борису и Глебу, построил храм во имя св. Бориса и Глеба – храм, освященный святителем Феоктистом. Последний был причислен к лику святых и покоится в Печерской обители.

Сопоставляя это с летописным сообщением о любви Святителя к князю Давиду, находим подтверждение, что князь действительно отличался высокими нравственными качествами.

Чрезвычайно трогательное и высокопоучительное предание передают летописи о святом мученике – князе Михаиле и боярине его Федоре. Предание это пользуется и поныне наибольшей популярностью.

Когда Михаил прибыл в став Батыея, то волхвы татарские потребовали, чтобы он шел сквозь разложенный перед ставкою священный огонь и поклонился их кумирам. — "Нет, — сказал Михаил, — я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государств земных, но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам". Ни угрозы хана смертью, ни мольбы и слезы юного Бориса, ни убеждения вельмож ростовских, что они берут на себя грех и торжественное покаяние, если Михаил исполнит волю Батыея, как это уже сделали другие князья, не могли поколебать твердости Михаила. Он вынул имевшиеся при нем запасные Дары, вместе с любимцем своим Федором причастился св. Гайн и громко запел псалмы Давида. Вельможи продолжали упрашивать князя. — "Для вас не погублю души " —

² Воспроизводят также от слова "*Чернигов*", утверждая, что тут жила когда-то княжш Церна.и от Черного князя, убитого якобы в сражении с кодерами в погребенного на том месте, где Чернигов. Есть и другие подобные предположения, но к положительному выводу; по этому предмету до сих пор не пришли и вопрос о происхождении названия Чернил» остается открытым.

говорил Михаил и, сбросив с себя княжескую мантию, промолвил: "возьмите славу мира; хочу небесной."

По данному знаку убийцы набросились на Михаила, повалили на землю, били и топтали его. Присутствовавшие тут же бояре русские в безмолвном ужасе глядели на эту страшную сцену. Один лишь Федор стоял спокойно и с веселым видом ободрял терзаемого князя. Долго мучили татары Михаила, пока наконец отступник от веры христианской, Доман, житель Путивля, не отсек ему голову. Палач этот слышал последние слова, произнесенные князем. Слова эти были: "христианин есмь".

Повествование о св. князе Михаиле обрисовывает тяжелое время ханского владычества.

История говорит, что с наступлением татарского владычества князь Михаил Всеволодович укрывался в Венгрии; в 1246 г. он возвратился на родину, но едва приступил к возобновлению родного города, как был вытребован в ханскую ставку. Там он и умер мученической смертью, твердый в своей вере и сильный духом.

Мощи св. князя Михаила покоились в Спасо-Преображенском соборе, а в 1572 г. были перенесены царем Иоаном в Москву.

Предания о татарских нашествиях.

Память о полном ужасов и народных бедствий времени татарского владычества сохранились во многих преданиях. Одно из них рассказывает, что с левой круглой башни Спасского собора бросилась и убила на смерть княгиня Домникия, не желая живой отдаться на поругание татарам.

В то время правой башни еще не было; она была выстроена гораздо позднее, в соответствие левой, во время возобновления собора после пожара 1750 г., уничтожившего до половины и левую башню.

Другое предание имеет связь с "Черной могилой". Этим именем называется курган, находящийся во дворе мужского духовного училища. "Черная" – не освященная крестом. – По преданию, на этом месте злая жена татарского хана, топтавшая конем детей, встретила "владыку преподобного". Отшатнувшись владыка и оградил себя поднятым кверху крестом. Почернела ханша, упала с коня и провалилась сквозь землю. Когда в позднейшее время были произведены раскопки кургана и в нем ничего не нашли, простой народ все же не усомнился в истине легенды, утверждая, что волшебница – бусурманка ушла в землю, откуда без креста ее не достать.

В Троицко-Ильинском монастыре, возле церкви св. Николая, князя *Черниговского*, был открыт склеп с костями человеческими. По преданию, это кости иноков, которые во время нашествия татар думали спастись в пещере, но были найдены и умерщвлены татарами.

О том же монастыре гласит предание, что во время осады монастыря татарами, молитвами старца-монаха свершилось чудо – церковь ушла в землю и испуганная орда разбежалась; церковь, скрывшаяся в землю, снова появилась в день св. Ильи, почему будто бы и названа Ильинской.

Церковь св. Ильи была заложена кн. Святославом в 1069 году.

В воззвании архиепископа Черниговского Виктора Садовского в книге для записывания пожертвований значится: "церковь сия заслуживает особое внимание всех православных христиан, наипаче же жителей города его. Она сооружена на том святом месте, которое преподобный отец наш Антоний Печерский подвигами и трудами своими освятил и прославил. Потому церковь сия составляет первейшую честь и славу первенствующего в Малороссийской губернии города Чернигова".

В преданиях, относящихся к эпохе татарского владения Черниговом, как видно, с одной стороны описываются ужасы того тяжелого и печального времени, а с другой – ярко обрисовывается победа духовной силы над силой грубой, физической, олицетворенной в ханской орде.

Кроме кургана, называемого Черной Могилей, и другие *Черниговские* курганы имеют свои легенды. Так: за оградой Елецкого монастыря находится высокий курган, под которым, по одному преданию зарыт Всеволод Святославович Чермный, а по другому – какой-то северянский князь времен идолопоклонства. Курган этот называется могилой князя Черного.

О курганах, усеявших пространство между Троицким монастырем и городом, предание говорит, что это – памятники битвы черниговцев, не желавших отдать родных жилищ татарам.

Позднейшие исследования курганов обнаружили иное. При раскопках в них найдены остатки сожжения трупов, другими словами: курганы – это могильные насыпи языческих

народов. Найдены были шлемы, щиты, мечи, кольчуги, жертвенные металлические сосуды с остатками зернового хлеба, яиц, костей животных и множество предметов житейского обихода и конского убора. Найдены также греческие монеты, дающие указания, что курганы насыпаны в конце X столетия, т.е. в последние времена язычества в нашем крае.

Предания о польском владычестве в Чернигове.

Татары были исконными, вековыми врагами Малороссии. Эпоха татарского ига и беспрестанных набегов татарских орд одна из самых тяжелых и грустных эпох в истории *Чернигова*. Такой же тяжестью, если не большей, отличались и времена владычества поляков и их упорных притязаний на обладание *Черниговом*. История подробно рассказывает о том произволе и насилии, которые царили тогда в Украине. Она же повествует нам о многочисленных битвах черниговцев с поляками, которые неоднократно осаждают *Чернигов*, опустошают и жгут его.

Из позднейших событий этой эпохи особенно долго сохранялись в народной памяти два эпизода: о захватах *Чернигова* самозванцем Гришкою и Горностаем.

О первом говорится, что, когда воевода Сендомирский пошел на *Чернигов*, *Черниговские* воеводы решили дать ему отпор и выстроили 300 стрельцов с 20 пушками. Но жители порешили иное: вместе с приставшими к ним 2000 казаков, они отбили крепость, связали воевод и отправили их в польский стан. На другой день был торжественный въезд в *Червягов* самозванца, который был встречен с восторгом, и народ присягнул ему. Казаки же, после взятия *Черниговской* крепости, весь город "облупили".

О захвате же города поляками в 1611 г. предание передает, что "московские люди" вышли из *Чернигова* на ловлю рыбы на р. Белоус; Горностаю, решментарь польского войска, узнав об этом, остановился со своим войском в с. Пакуль, а ночью, скрыв солдат в возах, сверху покрытых, двинулся к *Чернигову*. Сторожа у ворот спросили: "кто идет?". Поляк, умевший хорошо говорить "по московскому", отвечал: "свои люди, рыбу с Белоуса везем". Сторожа отворили ворота. Когда все возы въехали в город, поляки повыскакивали с возов и начали свои неистовства. "И в тот час из *Черниговского* замка Московское войско вступило, и *Чернигов* от Горностаю спален был. И чрез многие лета пустой заставал ...по Горностаю в 12 лет начали снова до *Чернигова* люди собираться и строиться" (Голятовского скарбница).

Предания о святынях г. Чернигова.

Редкий город является средоточием стольких святынь, как *Чернигов*. Каждая из них имеет за собой более или менее глубокую древность и с каждой из них связаны сохранившиеся поныне предания о чудесах, ими содеянных.

На одной из трех финифтовых дощечек, прикрепленной внизу чудотворной Ильинской иконы Богоматери, находится следующая надпись: "Чудодейственное течение слез на оном образе видимо было 1662 г., с 16 по 24 число апреля".

Об этом в книге "Руно орашенное" св. Димитрия Ростовского³ читаем:

"В царство пресветлаго Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея великая и мадыя и белью России Самодержца, содержащие престол архиерейства в Чернигове Преосвященному господину отцу Лазарю Барановичу, православному Архиепископу Черниговскому, Новгородскому и всего севера, в лето от Рождества Христова 1662 месяца апреля, в монастыре Ильинском, при игумене того же монастыря отцу Зосиме образ Пречистой и Преподобной Девы Марии, в церкви, от 16 числа до 24, плакал. На сие чудо все люди города Чернигова со многим ужасом смотреша".

Летопись Величко (1, 23, 24) прибавляет: "Плакаше тогда пресв. Дева, жалуючи православных христиан малороссяянов; верных Сына своего рабов, яко через незгоду, раздвоение и междуусобие едины уже смертоносным оружием докончившася другни з отчизны бедне в плене отведошася, третьи имеяху отведены быти, а четвертым предлежаша в отчизне главы положити, за предводительством неистовившихся тогда властолюбивых и к междуусобию готовившихся вождов своих".

Величко приводит и стихи какого-то малорусского стихотворца о плакавшей иконе Богоматери. О том же есть стихи у блаженного Иоанна *Максимовича* в книге "Богородице Дево" (л. 18 и 19).

На другой дощечке, прикрепленной внизу иконы, говорится :

"В 1662 году было нашествие татар на град *Чернигов*, но к сему чудотворному образу не могли прикоснуться руки нечестивых сарацин".

³ Книга составлена им, в бытность ещё иеромонахом и проповедником при Черниговском соборе.

Об этом "Руно Орошенное" (изд. 1702 г.) повествует так:

"Егда попущением Божиим за грехи наши, в 1662 году, икона Богородичина плакاته, тихо нашедше, сарацины много весий окрест Чернигова поплениша: иноци того Ильинскаго монастыря, не ведуще нашествия варварскаго, в обители своей сидяху. Единой же пощи, в звещено было им о татарах. Тогда всю обуждшеся внидоша в церковь, и в пещере преподобнаго отца нашего Антония скрьшася. В полунощи же нападоша татаре на монастырь, и вбеше в церковь, адеже стояще чудотворная Пресвятой Богородицы икона, серебрянными табличками, яко есть обычай, украшенная, много безбожниц сотвориша пакости. Все иконы от мест своих на землю опровергоша. Всю утварь церковную взяла. Иконы же Богородичны, на наместном месте стоящей и сребных табличек на ней не косвущася. Яко же бо иногда за Иелисея пророка, такого и zde поганов поразил Господь Бог слепотою, да недостойными руками не коснутся киота мысленнаго, ни в пещеру внийти к крыющимся в ней иноком можаху, аще и многаци покушахуся с возжению лучиною и обнаженными мечи, обаче аки векам отрываемы и изгоними, воспать возвращахуся. Сило то Пречистой Девы защищая иноков, сарацином входа в пещеру возбрани".

То же самое описывает Иоанн Максимович в книге своей "Богородице Дево".

Изложенное событие относится к 1662 г., когда подступили отряды татар. Они за одно с Юрием рыскали и около *Нежсина*, а в предшествующем году захватили многих в плен около *Стародуба* и *Мглина*.

Древние чудеса Ильинской иконы Богородицы описаны двумя великими святителями церкви: св. Димитрием Ростовским и блаженным Иоанном Максимовичем.

Рядом с Троицким монастырем находится старый, иссохшийся дуб, посаженный по преданию преподобным Антонием. Кора его употреблялась как целительное средство от болезней.

В *Спасопретображенском* соборе, основание которому положил Мстислав Удалой, сын Владимира, в воспоминание победы своей в единоборстве с косожским великаном Редедеем, был погребен Игорь Ольгович, убитый в 1147 г. и причтенный к лику святых. Мощи его были перевезены из Копырева – конца Киевского – братом его Святославом Ольговичем и положены под теремом в 1150 г. Восемь лет спустя, подле Игоря были положены мощи блаженного Митрополита Константина, скончавшегося в *Чернигове*.

Так гласит летописное предание, но где теперь эти мощи, перенесены – ли куда в другое место или скрыты под храмом – остается поныне неизвестным. На стене собора, с правой стороны от входа, сохранились иконы этих святых.

В *Борисоглебском* соборе, сооруженном кн. Давидом Святославовичем, о котором упоминалось выше, царские врата главного престола, по преданию, выкованы из двух серебряных идолов, найденных при закладке фундамента колокольни. В храме этом находится чудотворная икона Божьей Матери, явленная в селе Репках и перенесенная оттуда Архиепископом Рогалевским, и склеп, в котором двести лет нетленно покоились мощи святителя *Феодосия*, ныне причисленного к лику святых.

Предания об отдельных пунктах г. Чернигова.

Перейдем теперь к преданиям, касающимся отдельных пунктов г. *Чернигова*.

Гончая улица получила свое название от гоняния сквозь строй солдат (наказание).

Вознесенская улица прежде именовалась *Немецкой слободой*. Имя это она получила от пленных шведов, присланных из-под *Полтавы* в *Чернигов* на жительство.

Ковалевка в конце *Гончей ул.* называется так потому, что там прежде были кузницы.

Вал, ныне место для гуляний, – остаток прежнего наружного крепостного вала. Есть указание, что уже в 1023 г. *Чернигов* был укреплен: "Взятие Мстиславом Владимировичем *Чернигова* менее *укрепленного*" (Карамзин, Т.2).

Летопись, рассказывая об осаде *Чернигова* войсками Батыея, говорит: "И лют бе бой у *Чернигова*, оже и тараны нань ставиша и меташа нань камением полтора перестрела, а камень яко можаху 4 мужи сильнии подъяти его. Но побежен бысть Мстислав"... (Собрание летописей).

В следующих столетиях видно, что *Чернигов* не переставал быть крепостью, которая подновлялась и обустроивалась новыми укреплениями. В 1738 г. полковник Измайлов доносил

Румянцеву:

"Чернигов и в нем имеющийся замок, где мало был спорчен, надлежащею земляною работаю совсем, как надлежит, також и полисадником окончен и в добром находится состоянии, и в оном по имеющимся раскатам батареи поделаны и пушки везде расставлены".

На валу стоят в настоящее время четыре чугунные пушки, пожалованные *Чернигову* Петром 1-м после Полтавской битвы.

Рядом с валом, с левой стороны, находится белое здание – бывшая войсковая канцелярия, – называемое „*домом Мазепы*". Это редкий и хорошо сохранившийся памятник XVII столетия.

С домом Мазепы связана полная поэзии народная легенда. Изображает она страдания девушки, по догадкам – Кочубей.

Бросивши отцовский дом, она ушла к гетьману, за что была проклята матерью и душа проклятой осуждена стеречь клады, – якобы взятые Мазепою у полковника и скрытые в подвалах канцелярии сокровища. Ежегодно в ночь под "Пречисту"(Успение Богородицы),

Як ще пивень не спивае,
Вкруг будынку гетьманского
Якась постать похожае.

Проклятая душа, в образе женщины, с тоскою молит встречных осенить ее крестным знаменем, которым только может быть снято проклятие матери. А как только запоет третий петух, постать – ведьма с тяжким стоном "креста"!

"В лесах темных пропадав".

В этом стоне слышится и мольба, и страдание, и отчаяние. На идее о силе проклятия вообще и родительского в особенности построены многие исторические предания, легенды и сказки. Народная молва приписывала особенную важность проклятию матери, – оно имеет силу не только в земной жизни проклятого, но и в загробной: "щоб ты на страшный суд не встав, щоб тебе земля не приняла" и т.п.

В связи с последней клятвою стоит большинство старинных украинских сказаний, в которых, как и в приведенной легенде о доме Мазепы, описываются страдания проклятого.

В легенде о Мазепином доме фигурируют особенно две клятвы: первая – "щоб тебя земля не приняла" и вторая – заклятие на клад.

По повериям малороссов, клады иногда зарываются с заклятием, которое имеет силу на определенное время или же навсегда, "поки свита и сонця". В приведенной легенде заклятие клада обусловлено снятием материнского проклятия: "бо як хто хрестом преславным благословит кляту душу, то та скарбы и клейноды ген розсыпатыся мушуть".

В легенде этой замечается еще одна характерная особенность – очевидная симпатия народа к девушке, обреченной на мучения за свою любовь к гетьману, к этой несчастной ведьме, вымаливающей "хреста". Эта симпатия становится особенно резко заметной, если с легендою о доме Мазепы сравнить другие украинские легенды о ведьмах, которых народное суеверие почти всегда представляет существами злобными и далеко не возбуждающими сочувствия к их судьбе.

К той же эпохе, когда сложилась легенда о доме Мазепы, относится еще и другая легенда. Говорится в ней о Василии Андреевиче *Дунине-Барковском*, десятом полковнике сотни *Черниговской*, а после генеральном обозном.

Он умер в Чернигове и был похоронен в Елецком монастыре. На другой день после похорон, его будто бы видели едущим шестеркой вороных, без отметин, коней по Красному мосту, что на реке Стрижень. Кучер, форейтор и три собеседника Барковского были черти.

Когда молва об этом распространилась, Барковского прокляли, и он вместе со своим поездом провалился в Стрижень. Когда же открыли гроб, то в нем якобы лежал краснолицый труп, хорошо сохранившийся, с открытыми, страшно выпученными глазами, т.е. имевший все отличительные черты упыря.

Сказание об упырстве Барковского было изображено масляными красками на стене Спасо-Преображенского собора (Маркович, "Чернигов") особой фреской, которая только в первом десятилетии нынешнего столетия была закрашена.

В этом сказании, как нельзя более ярко, выразилась накипевшая народная ненависть против чрезвычайно злого, крайне невоздержанного и корыстолюбивого обозного.

Барковский был очень богат, но при этом очень скуп. Князь Голицын предлагал ему за 10000 рублей гетьманство, но тот, не смотря на свое тщеславие, отказался дать эту сумму. Однако Мазепа сумел обойти скупого богача, выпросил у него займы эту же сумму и воспользовался предложением князя.

Из страсти к деньгам, Барковский делал много притеснений и несправедливостей Черниговцам.

Например: в тяжёлом следствии Лизогубовой с Скоропадскою (лист 146) читаем, что когда некий Киприянович, женившийся на вдове сотника Силича, "став пакости великие чинить, тогда от него паи Буркувский, в то время будучи полковником Черниговским, тое село однявши сам оным год владив".

Однако при всех своих дурных и злых качествах, Барковский отличался большой набожностью. Если принять во внимание силу его скупости, то нужно заметить, что сделанные им денежные пожертвования имели особенную цену. А жертвовал он много, участвуя во всех постройках и украшениях церквей и обителей Чернигова. Более всего он заботился об украшениях и благоустройстве Елецкого монастыря. Заботы о монастыре, простирались и далее, – он не забыл в монастырскую братию. В синодике Елецкого монастыря значится: "род пана Василия Барковского, обозного генерального, ктитора обители елецкой, который на монастырь Елецкий надал села в мельницы на прокормление братии Елецкой".

Щедрость Барковского на устройство храмов и монастырей была на столько выдающейся, что о. Еленев в проекте своем о расписании стен Спасо-Преображенского собора, представленном в 1814 г. архиепископу Михаилу, предлагал: "на втором простенке изобразить Черниговского полковника и генерального войск запорожских обозного Василия Андреевича Дунина-Барковского с подписом, что сей благочестивый и ревностный христоробец, устраивая в граде сем вновь храмы Божие и обновляя обветшалые, возобновил святоленно и сей всемилостиваго Спаса храм и богатыми угварьми снабдил в 1672 и 1685 годах, но бывшим затем в 1750 году в май месяце сильным пожаром, – и паки храм сей лишился внешнего покрова и почти всего внутреннего имущества и благолепия". Но параграф этот (24-й) остался в числе 15 невыполненных параграфов проекта.

Народ, очевидно, не мог не знать, если не всех, то о многих Богу угодных делах Барковского. Однако и это не могло смягчить ненависти народной, которая настолько успела разрастись, что не улеглась даже после смерти обозного. Едва похоронили его, как разнеслась весть об его упырстве.

Из народных сказаний об упырях большое сходство с приведенным имеет сказание о Киевском полковнике, Антоне Танском, женатом на дочери Паляя.

Предания об окрестностях и реках г. Чернигова.

В следующем предании играют также немалую роль нелюбовь народная и болезнь лица, о котором предание сложилось. Но относится оно к гораздо ранней эпохе, ко временам княжества *Черниговского*.

Сельце святого Стада дар собору св. Спаса, нынешняя *Жолвинка*, по правую сторону Десны, близ *Чернигова*, (сожженная половцами в 1159 г.⁴, называлась также *Желвинкою* (Грамота царя Алексея Михайловича 1674 г.). – Название это воспроизводят так:

"жолв или желв — подкожный затверделый нарост, князь Святослав Ярославович страдал этой болезнью; "сего же (6584-1075) лета преставися Святослав сын Ярослава от резания желве и положен Чернигов у святого Спаса" (Собрание летописей). Князь был нелюбим народом, который в насмешку и дал ему прозвище *Жолвиновитого*, – прозвище, переходившее из рода в род; отсюда и сельцо, основанное им, получило название *Жолвинки* или *Желвинки* (Истор.-стат. описание Черниговской епархии, кн. 5).

Об озере же *Святом* имеются следующие сведения. Озеро это, с сосновым лесом на берегу его, входившее в число имений Елецкого монастыря, называется так в самых древних памятниках монастыря. Название это объясняют тем, что в Озере свершилось начальное крещение *Черниговского* народа первым *Черниговским* епископом, и здесь, на берегу озера, проживали архипастыри, до построения собора.

Есть предание, что здесь же жил *Николай Святоша*, сын князя Давида Святославовича, княжившего в *Чернигове* (1096–1123 г.г.), и, по пострижении своем в иноческий чин в 1105 г., он с прочим своим имуществом отписал Киево-Печерской лавре и Лесковицу. Об этом князе не будет лишним добавить, что он, оставил добровольно свое *Черниговское* княжество и вступил в 1106 г. в братию Печерского монастыря, отдал ему свою богатую библиотеку, устроил при нем особый больничный монастырь и был три года поваром, а три года привратником Печерского монастыря, был также и дровосеком.

Название *Бобровицы*, вероятно, произошло от того, что в местах, прилегающих к Десне и поросших в старину дремучими лесами, как рассказывают старые люди, водились бобры.

В юго-западной части Бобровицкой земли находится Булавкин ров, – от имени прежнего

⁴ Патриаршая или Никоновская летопись : "А князь Мзяслав Давидович спешно прииде на него, и нача бродити через реку Десну, а половцев напред отпусти воевати, и сельце святого Спаса зажгоша".

владельца соседнего поля, казака Булавки. Ров этот глубокой древности и, как думают, искусственный. В нем, лет полтораста тому назад, людьми Лизогуба, из д. Певцов, был отыскан богатый клад. Женщина, по фамилии Мельничка, застав их на месте, просила уделить ей небольшую часть. Но корысть помешала счастливицам согласиться на эту просьбу. Тогда Мельничка донесла о случившемся Лизогубу. Испуганные отыскатели клада, оставив у себя часть найденных денег, остальные зарыли в другом месте, а сосуды, в которых клад находился, бросили в Стрижень.

Лизогуб, начал строгое расследование и, выпытав показание, что клад выброшен в реку, нагнал несметные толпы народа из всех окрестностей, а затем принялся за расчистку реки, значительно поросшей травой и лозой. На месте зарослей образовался пруд, совершенно очищенный, но клада так и не нашли.

Относительно городка у Бобровицы, предание рассказывает, что на том месте стояла когда-то церковь. Нужно предполагать, что церковь эта была разрушена и потом заброшена землею.

С рассказом о церкви соединяется следующее предание. В незапамятное время подошел к Чернигову какой-то поганый царь, который сжег селение, примыкающее к городку, но после того сильно заболел глазами, а войско его почти все ослепло. Узнав о целебных свойствах воды из криницы, находящейся вблизи Садка, поганый царь лечил себя и свое войско этой водою. Но почувствовав бессилие, "преклонился" пред каким-то нашим воеводою или князем на холме, возвышающемся недалеко от Криницы. Оттого ров, в котором находится Криница, называется Поганым рвом, а горка – Преклонной горою.

Народная молва утверждает, что многие больные глазами, умывавшиеся до, восхода солнца криничной водою, получали исцеление. То же говорят и о чахоточных больных (Статистич. описание Бобровицкой дачи, А. Йамраевского – Черниговск. Памятка 1862 г.)

Химическое исследование воды, сделанное *В.О. Подвысоцким*, по качественному разложению, показало, что из веществ, заключающихся в этой воде, основания преимущественно соединены с хлором. Из оснований же преобладает известь. Соединение хлора с известью – хлористый кальций предлагается некоторыми медиками при страданиях глаз и хронических кожных страданиях, в слабом растворе.

Что касается рек, на которых стоит *Чернигов*, то и о них есть предания. О р. *Стрижень* говорят, что она некогда была большой и широкой рекою, что часто наводняла окрестности *Чернигова* и затопляла город, а по берегам ее росли непроходимые, дремучие леса сосновые и дубовые, отчасти же липовые и березовые. На реке когда-то стояла плотина с двумя мостами: один с мельницей, моловшей во всякое время года, другой по местному названию, яловый (свободный, гуляющий) для спуска воды. От последнего моста, вероятно, произошло название *яловицы*, урочища под *Черниговом*. Есть еще несколько преданий о той же реке, но, вследствие отрывочности и спутанности, мы не приводим их здесь.

О реке *Десне*, которая омывает южную окраину *Чернигова*, существует народное поверие, что она не замерзает и не вскрывается, пока не получит утопленника.

Подобное же поверие мне приходилось слышать в некоторых донских станицах о р. *Доне*, а в г. *Саратове* о *Волге*. О последней говорят, что она не замерзает и не вскроется, пока в ней три хохла не утонут (слобода *Покровская* – на берегу *Волги*, против *Саратова* – населена малороссами, отличающимися особенной смелостью при переправах через *Волгу* в бурю и ледоход).

В заключение нашего очерка, приведем предания о колоколах *Черниговских*. Говорят, что когда лили колокол для *Троицкого монастыря*, присутствовавшие при том бросали в сплав много серебра. Одна же жительница г. *Чернигова* пожертвовала на колокол слитки свинца, имевшие форму брусков и долго без всякого употребления хранившиеся в "коморе". Когда мастера-литейщики изломали эти куски, прежде чем пустить в сплав, то оказалось, что это – серебро, лишь сверху прикрытое слоем свинца. Жертвовательнице не была известна эта предусмотрительная и остроумная мера, сохранившая в течении долгого времени драгоценный металл от покражи.

В местных летописях находим также подробный рассказ о посещении *Чернигова Потемкиным-Таврическим*, который, будучи нездоров, оставался в городе три дня и все это время приказывал звонить в колокол, что при *Борисо-Глебском храме*, отличавшийся приятным звуком.

Когда *Потемкин уехал*, колокол, по его распоряжению, спустили с колокольни, чтобы

отправить в строящийся в то время Екатеринославль. Народ со слезами провожал свой любимый колокол и затем несказанно обрадовался, когда колокол вернули с дороги обратно. Тогда же стало известным, что *Потемкин* скончался в степи.

Этим мы заканчиваем предания, приуроченные к *Чернигову*. Из всего прочитанного здесь читатель видит, что преданий этих далеко не мало. Жаль, что не все они дошли до нашего времени. Но если вспомнить, что, начиная с XI века до половины XVII, в течении 6¹/₂ столетий, *Чернигов*, вместе с предместьями и окрестностями, одновременно и порознь, подвергался 28 осадам и нападениям различных народов, 17 раз опустошался, причем неоднократно зажигался неприятелем, а три раза был обращен совершенно в пепел, подвергался кроме того трем разрушительным пожарам, происшедшим от несчастных случаев, испытал на себе все ужасы татарских нашествий и, переходя из рук одних завоевателей в руки других, являвшихся законными и незаконными владельцами его, пережил много тяжелых и тревожных лет, — приходится удивляться, что и эти, здесь приведенные предания, сохранились в записях и отчасти в устной передаче, а не канули безвестно.